

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

ПО ПОВОДУ ПЕРЕВОДА “КАМАСУТРЫ”

© 2018

А. Я. СЫРКИН

Еврейский университет, Иерусалим, Израиль

Статья посвящена предложенному А.О. Захаровым критическому анализу отдельных мест русского перевода “Камасутры” (К) (выполненного в основном в 1960-х гг. и опубликованного в 1993 г.), а также соответствующих вариантов из нескольких английских переводов, в большинстве своем изданных после 1993 г. [Захаров, 2016]. Приводятся обоснования некоторых толкований переводчика, где дело, по-видимому, не в намеренном “смягчении” и не только в требованиях тогдашней цензуры (ср. К 6.1; 6.14 и сл.; 7.3 и др.). Вместе с тем отдельные места перевода, действительно, не вполне удачны (1.38; 19.1 и сл. и др.) и могут быть скорректированы. В отношении сопроводительного аппарата с использованием латыни определенную роль играло классическое образование переводчика и соответственно — давняя традиция медицинской и юридической терминологии. При этом подготовка популярного перевода — безотносительно к результатам — не входила в его задачу. В целом разбираемый анализ представляется вполне обоснованным и полезным для дальнейшего изучения К.

По ходу изложения статья вкратце затрагивает отдельные более общие вопросы, существенные для методики перевода классических текстов: проблема семантических сдвигов при переходе от одного языка к другому, тип оригинального текста (“научного” или “художественного”), восприятие памятника непосредственными его адресатами (в той или иной мере гипотетическая реконструкция). Приведены примеры некоторых образцовых переводов, сыгравших большую роль в российской культуре.

Ключевые слова: проблемы перевода, филология, санскрит, российская культура, эротология, цензура.

DOI: 10.7868/S0869190818020085

APROPOS OF THE “KAMASUTRA” TRANSLATION

Alexander J. SYRKIN

Hebrew University of Jerusalem, Israel

The present paper deals with Anton O. Zakharov's critical analysis of some fragments from my Russian translation of Vātsyāyana's Kāmasūtra (K) (implemented about fifty years ago and first published in 1993), as well as of respective variants contained in several English translations (mostly recent) (“Few notes on the Russian translation of “Kāmasūtra”, in: Vostok (Oriens), 2016, № 5, pp. 172–186). My paper suggests a number of arguments in defence of certain interpretations where, in the translator's opinion, neither any premeditated “softening” nor the censorship took place (cf. K 6.1;

6.44 sq.; 7.3 etc.). At the same time the translation is not felicitous enough in some places and it should be improved (cf. 1.38; 19.1 sq., etc.). The use of Latin equivalents in the commentary to the Russian translation can be partly explained by the classical education of the translator, who was influenced by old medical and juridical traditions. At the same time — irrespective of results — I did not intend to produce a popular book. As a whole, the analysis made by A.O. Zakharov seems well-founded and useful for further K studies.

In the course of exposition the paper briefly touches upon some more general issues pertinent to the translation of classic texts: the inadequacy of respective semantics in different languages, the type of the text (“scientific” or “artistic”), the perception of the original by its immediate addressees (where possible reconstructions are more or less hypothetical). In this connection several examples of translations which play a prominent role in Russian culture, are adduced.

Keywords: problems of translation, philology, Sanskrit, Russian culture, science of erotica, censorship.

В журнале “Восток (Oriens)” опубликована статья А.О. Захарова «О русском переводе “Камасутры”» [Захаров, 2016] (далее — ЗПК), — насколько мне известно, первый научный отклик в России на эту книгу. Автор делает ряд критических замечаний, предлагая другие варианты перевода. При толковании отдельных мест привлекаются некоторые английские переводы, в большинстве своем опубликованные позже русского издания.

В конце предисловия к переводу “Камасутры” (далее — К; в изданиях 1993 г. — соответственно с. 45 и 38; об изданиях этих см. ниже), увидевшему свет без малого четверть века назад, я писал: «Несомненно, некоторые из предложенных здесь толкований отнюдь не бесспорны и могут быть исправлены; при всем том русское переложение такого памятника, как “Камасутра”, вряд ли может быть свободно от условностей и искажений»¹. Так что появление подобного отклика вполне закономерно, ему естественно было бы появиться и раньше.

О некоторых обстоятельствах, связанных с историей моего перевода, мне уже приходилось упоминать — в переиздании 2000 г. [Камасутра, 2000, с. 55, прим. 61], а также в отдельных интервью; останавливается на них и ЗПК [Захаров, 2016, с. 172, 178]. Добавлю здесь, что к 1993 г., когда препятствий к изданию уже не было, издательская фирма “Восточная литература” (“Наука”) по понятным мотивам решила выпустить одновременно под сходными заголовками два варианта издания: первоначально запланированное серийное (серия “Памятники письменности Востока”, CXI) ([Ватсыяна Малланага, 1993, 190 с.], далее К₁)

¹ Разумеется, речь здесь идет не только о “русском переложении” — дело в принципиальном несовпадении семантических полей (круга значений) переводимого слова и его аналогов в языке перевода — фактор, столь подчас важный даже при контактах близких людей, тем более значим при обращении к языку культуры, далекой во времени и пространстве. Примеров не счесть, начиная с основного в данном случае понятия — ср. отнюдь не полную адекватность санскритского kâma и русского “любовь”, что оговорено уже в первом примечании к предисловию: см. соответственно К₁ с. 11; и К₂ с. 5 (то же, к примеру, относится к dharma — “закон”, “добродетель”; artha — “польза”, “выгода” и т.д.). Так что грубовато-прямолинейное итальянское “traduttore — traditore” (“переводчик — это предатель”) имеет свой резон. Можно было бы предположить, что содержание “Камасутры”, не теряющее с веками своей актуальности и близко затрагивающее личные переживания каждого из нас (безотносительно к заинтересованности в Индии или индуизме), может способствовать более адекватному пониманию, а следовательно, и облегчить задачу переводчика. Но именно в этом обстоятельстве заложены и потенциальные трудности. Неизбежная вовлеченность наблюдателя (комментатора, переводчика) в область едва ли не самых сильных интимных переживаний, изначально встроенных в сферу его культуры, языка, личного опыта, как раз способна создавать помехи в объективации соответствующих реалий, переводимых в иной достаточно чуждый оригиналу культурный и языковой контекст. Иначе говоря, по аналогии с методикой естественнонаучного эксперимента мы (в качестве “прибора”) как бы воздействуем на объект изучения,вольно или невольно производя определенный отбор отдельных его деталей и возможных аспектов исследования. Отсюда можно предположить определенную взаимодополнительность различных описаний, суждений (и — переводов), что с неизбежностью отличает гуманитарное творчество. Ср. в этой связи рассуждения Н. Бора о принципе дополнителности в соотношении знания и веры, мысли и ощущения, рационального и эмоционального подходов: [Bohr, 1953, p. 385–390; Бор, 1961, с. 37 и сл., 107 и сл., 126 и сл. и др.; Сыркин, 1967, с. 162 и сл.]. Здесь и далее по ходу изложения вкратце затронуты некоторые более общие вопросы, существенные для нашей темы.

и второе, значительно большим тиражом, в пестрой обложке, с вклейкой фотоиллюстраций ([Ватсыяна Малланага, 1993, 181 с. ил.], далее K_2); здесь по сравнению с K_1 снято несколько сносок к вступительной статье и комментариев, отсутствуют указатель (собственных имен и оставленных без перевода терминов и названий предметов), а также английское резюме. Позже, в 2000 г., K_1 была полностью переиздана в более изящном оформлении под тем же заголовком ([Ватсыяна Малланага, 2000, 383 с.], далее K_3). Здесь также дана вклейка иллюстраций и добавлена статья «Единство “сакрального” и “мирского” в любовных отношениях и образе жены» (K_3 , с. 313–356) — перепечатка из сборника [Индийская жена..., 1996, с. 5–28]. Это практически все известные мне полные публикации моего перевода².

К сожалению, ЗПК везде ссылается не на K_1 (что было бы более оправдано), а лишь на K_2 (K_3 упомянуто им в библиографии на с. 185 как 2-е издание, т.е., видимо, — K_2 , которое, действительно, производит впечатление более популярного). Впрочем, безотносительно к сравнительной научной ценности того или иного варианта, сокращения в K_2 в отношении статьи и комментария весьма незначительны³, перевод же воспроизведен здесь без изменений, и замечания А.О. Захарова сохраняют свое значение для всех упомянутых изданий:

ЗПК (с. 173) характеризует мой перевод как “прекрасный художественный текст, в котором смягчены или затушеваны многие высказывания оригинала”. Первая оценка весьма лестна, хоть и, боюсь, не вполне заслуженна (то же можно сказать и о “владении языками” (с. 179)). О последующих же суждениях, отнюдь их не отвергая и не входя в детальный анализ отдельных толкований, хотел бы сделать несколько замечаний, попутно затрагивая некоторые смежные темы.

Первый пример смягчения оригинала (с. 173–174) автор видит в переводе К 6. 44–48⁴, где речь идет о противопоставлении мужчины женщине: (*kartā... 'dhikaraṇam*;

² Понятно, что К по своему характеру представляет собой немалый соблазн для разного рода популярных, рассчитанных на невзыскательные вкусы и попросту “пиратских” изданий. Соблазну этому поддалось издательство ЭКСМО-ПРЕСС в Москве, выпустившее К в 2000 г. без моего ведома в серии “Антология мудрости” с указанием имени автора перевода, произвольными сокращениями в предисловии и комментариях (отчасти оговоренными) и массой отсебятины в заголовках и оглавлении. После выяснения ситуации они предпочли переиздать К в сходном оформлении с указанием на неизвестного мне переводчика с английского. Обращать внимание на случаи подобной практики (при которой, по всей вероятности, используется без ссылок и мой перевод) нет никакой охоты.

³ Хотел бы уточнить: K_2 (с. 35) действительно говорит о том, что “для настоящего издания статья и комментарий подверглись значительному сокращению”. Согласно ЗПК (с. 73), “это сокращение научного аппарата превратило изначально задуманную научную публикацию в научно-популярное издание”; там же в примеч. 7 издание К (очевидно, имеется в виду K_2) противопоставлено выполненным “по строгим правилам научного перевода” “Панчатантре” и упанишадам. Прежде всего, как бы ни оценивать полноту комментария, приведенная выше формулировка в K_2 о “значительном сокращении” по существу неправильна (она связана с преходящими обстоятельствами в ходе подготовки соответствующих вариантов издания) и, к сожалению, не была своевременно выправлена. Более справедлива формулировка в K_1 , (с. 44), где говорится о “некотором сокращении”, на мой взгляд оказавшемся не очень значительным и не изменившим характер издания. Подобное сокращение касалось, как правило, ссылок на другие иноязычные переводы, варианты которых не казались мне столь важными. Согласен, впрочем, что и этого не стоило делать. Основные принципы перевода (K_1 с. 44–45; K_2 , с. 35–36) с самого начала были изложены сравнительно кратко. Полагаю, что судить о соотношении “научности” и “популярности” здесь не стоит. Замечу лишь, не питая в этом отношении особых иллюзий, что подготавливая комментированные переводы с санскрита в соответствующих академических сериях (“Брихадараньяку” — в “Памятниках литературы народов Востока”; “Чхандогью”, упанишад, “Камасутру”, “Гитаговинду” — в “Памятниках письменности Востока”; можно добавить здесь и снотолкователь Джагаддевы в издательстве “Ладомир” (М. 1996), я безотносительно к тому или иному результату (возможно, что опыт с К вызывает больше нареканий) исходил из достаточно сходных принципов в работе над переводом, в написании сопроводительных статей, в характере комментариев. При этом все упомянутые источники (в наибольшей мере — упанишад) служили темами моих публикаций в российской и зарубежной периодике и сборниках. Публикации эти были тесно (подчас — дословно) связаны с сопроводительным аппаратом указанных изданий и без работы над переводом вряд ли могли бы быть написаны. Кстати, как раз публикация “Панчатантры” (АН СССР, М., 1958 в серии “Литературные памятники”, не говоря уже о последующих сильно переработанных переизданиях Издательством художественной литературы (М., 1962 и М., 1972)) носит, на мой взгляд, более популярный характер.

⁴ Здесь и далее — нумерация по изданию Д.Л. Госвами (которую параллельно приводит и ЗПК): [*Kamasutra*..., 1912 (далее: *KG*)].

kartā... cādḥāra; abhiyoktā'ham... abhiyuktā'ham): “мужчина действует, женщина принимает действия” (45); “действующий... подчиняющаяся” (46); “я охватывающий”... “я охвачена им” (48) (см. К₁, с. 62; К₂, с. 54). На мой взгляд, противопоставление активной и пассивной сторон, деятеля и объекта действия здесь сохранено. Далее, *ādḥāra* может, в частности, обозначать и “принадлежащий или относящийся к” (“belonging or relating to”) [*A Sanskrit – English Dictionary...*, 1956, p. 139 – далее SE]. Толкование ЗПК (с. 174) “сосуд”, “вместилище” хорошо подходит по смыслу. Вместе с тем допустима и ассоциация с прочтением *ca adhāra*, связанным с представлением о “нижнем”, “подчиненном” (также: *Pudendum Muliebre* – ср.: [SE, p. 19, 20])⁵. Предположение автора об употреблении здесь *puṇṣa* в связи с терминологией санхьи весьма интересно для комментария.

Что же до толкования *abhiyoktar – abhiyuktā*, то значение “нападать”, “атаковать” вполне возможно, хоть и не без оговорок; вариант же “совершать насилие” звучит, пожалуй, чересчур сильно и по контексту представляется психологически не столь оправданным в мыслях женщины – как-никак соединение уже происходит, и по смыслу не только он, но и она испытывает наслаждение (*anurajyate*) (ср.: [SE, p. 37; Кочергина, 1996, с. 44]). В данном случае, видимо, сыграло роль и непосредственное значение *abhi-yuj* (образ из другой сферы деятельности: “я запрягающий” – “я запряжена им”), равно как и связь с идеей интенсивности, энергичного действия (ср. предлог *abhi-*, *abhiyoga*: [SE, p. 61, 68]). В целом “охватывающий” – “охвачена им”, возможно, и не лучший вариант, но во всяком случае представляется психологически более предпочтительным не делать здесь упора на агрессию мужчины. Что же до ясности, то контекст (как и в ряде других случаев) не оставляет сомнений в том, о каком “охвате” идет здесь речь.

Как уже говорилось, в этом и других своих толкованиях А.О. Захаров привлекает английские переводы Р. Бертон и Ф. Арбатнота (1883 и позже), А. Даниелу (1994), В. Донигер (Донигер О’Флаэрти) и С. Какара (2002), Л. Фосса (2012) – разбор их в данном случае не входит в мою задачу. Статья его содержит и в этой части ряд критических замечаний, по существу подтверждающих приведенное выше суждение в конце моего предисловия к К.

Следующий пример (ЗПК, с. 176–177) опять же связан с *abhiyoktar* в 30.59, где наиболее очевидный и терминологически оправданный перевод: “домогающий” (ср. К₁ с. 91; К₂ с. 86–87). Слово это варьируется у разных переводчиков (в частности, толкование В. Донигер и С. Какара совпадает с моим). Речь идет здесь о ситуации, предшествующей близости, перевод должен учитывать это, и выбранного варианта следует по возможности держаться⁶.

⁵ Подобного рода предположения, связанные с попытками посильно восстановить особенности восприятия того или иного классического текста его непосредственными адресатами (важная историко-культурная проблема) и, бесспорно, затрагивающие методику перевода, представляются вполне допустимыми. Индийская дидактическая и художественная традиция дает для этого определенные основания – ср. распространенность соответствующих толкований с достаточно свободным этимологизированием (уже в текстах ведийского канона, в “Панчатантре” и т.д.); развитие представлений о невыраженном и угадываемом значении в классической поэтике (в частности, *dhvani* – “звук” как носитель скрытого, но подразумеваемого смысла слова – ср.: [Кочергина, 1996, с. 310]), практика текстов с заведомо двойным, возможно противоположным, прочтением. В то же время отсутствие конкретных свидетельств сплошь и рядом делает такие суждения в той или иной мере гипотетичными.

⁶ Здесь опять же возникает существенная для переводчика проблема: верность раз принятому варианту (“терминологичность”) тесно связана с принадлежностью текста к “научному” (здесь соответственно – этико-философскому, дидактическому, законодательному, посвященному специальной отрасли знания и т.д.) или “художественному” типу. При всей условности подобного разделения в классических древних памятниках словесности с их специфичным синкретизмом (сочетание достаточно редкое в современной литературе) такое посильное разграничение все же представляется целесообразным – ср., в частности, наблюдения над отдельными чертами композиции, способов описания, стиля, позволяющими противопоставить К “художественному” тексту, в частности, ее своеобразному аналогу в античной культуре – “Науке любви” (*Ars amatoria*) Овидия (К₁, с. 11 и сл., 19 и сл., 23 и сл., 38 и сл.; К₂, с. 5 и сл., 13 и сл., 16 и сл., 30). См. некоторые замечания об упомянутых типах описания и соответствующих толкованиях: [Сыркин, 1965, с. 84–88] (то же: [Syркин, 1975, p. 35–39]). О возможной связи этих различий с судьбами отдельных переводов см. ниже.

В связи с передачей соответствующего круга значений (*abhi-yuj* – *abhiyoktar* – *abhiyuktā* – *abhiyoga*) автор (с. 176) критикует употребление в соответствующем заглавии четвертой части (28.1) единственного числа: “О домогательстве одного мужчины” для *ekapuruṣābhiyogāḥ*. Прежде всего следует сказать, что *KG* допускает здесь вариации: в перечне глав (1.47 – *KG*, р. 8: *abhiyogah*), что и передано как “домогательство” и перешло в заголовок 28-й главы (*K*₁, с. 50, 88; *K*₂, с. 40, 84); в 28.32 и 35 *KG* дает множественное число, что опять же соблюдено в переводе (*KG*, р. 212, 213; *K*₁, с. 89, 90; *K*₂, с. 85). Впрочем, подобная вариация, на мой взгляд, несущественна, даже если считать единственное число в *KG* (р. 8) недосмотром. В русском языке “домогательство” (тем более “одного мужчины”) с очевидностью подразумевает определенное поведение, включающее ряд тех или иных действий⁷ и использование здесь во всех случаях синекдохи было бы вполне оправданно.

Еще один пример смягчения оригинала (ЗПК, с. 177–178) связан с переводом 6.1: “Мужчины различаются по своим признакам как... женщины же – как...” (*K*₁, с. 61, ср. 146; *K*₂, с. 52, ср. 144). В тексте – *liṅgato*, и, разумеется, здесь имеются в виду “половые органы” (как и предлагает перевести ЗПК (с. 177)) и соответствующие их размеры, что совершенно ясно из контекста и из приведенного комментария (последний, естественно, необходим, причем, нам кажется, не должен, как это нередко случается, вставляться в том или ином виде в текст перевода). Существенно в данном случае, что *liṅga* имеет и другое весьма распространенное значение, которое вполне согласуется со смыслом данного места; в словарях, кстати, значение это может приводиться в первую очередь (ср.: [SE, р. 901–902: *mark, spot, sign... characteristic* и далее: *liṅgatas* – *according to marks*]; ср.: [Кочергина, 1996, с. 554]). Своего рода аналогию в сходной лексике дает русское “член”, входящее в более широкое семантическое поле своего омонима. Далее слово это пропущено, но явно подразумевается в следующей части предложения, где оно может употребляться или в первом его значении, или же с расширением второго (последнее, строго говоря, представляется не столь употребительным – во втором указанном значении *liṅga* все же чаще служит традиционным противопоставлением *yoni*, нежели общим наименованием для гениталий). Так или иначе, искажения оригинала здесь нет, нет и неясности – опять же благодаря контексту и соответствующему комментарию, где даны попутные уточнения. Об использовании здесь латинского языка будет еще сказано – замечу лишь, что последнее отнюдь не только указывает “на жесткую внешнюю и внутреннюю цензуру” (ЗПК, с. 178), хотя 50 лет назад такаява безусловно существовала.

Более явное смягчение связано с оральным сексом (ЗПК, с. 178–179), где *auparistakam* (букв. “производящееся наверху”, “верхнее”) оставлено без перевода (*K* 1.38; 19.1–41; ср. *K*₁, с. 50, 76 и сл.; *K*₂, с. 40, 70 и сл.). Снова все проясняют контекст и комментарий с латынью. Пожалуй, действительно, выбран не самый подходящий вариант, и было бы предпочтительней сохранить в переводе образ оригинала (“верхнее”). В этой связи понятна и критика перевода *jaghana*, как “нижней части” (*K* 19.3; *K*₁, с. 77.; *K*₂, с. 70 – ср.: ЗПК, с. 178). Скорее всего здесь не очень удачная попытка передать осязаемое мной в контексте 19 главы *K* возможное “пространственно-этическое”⁸ противопоставление: “верхнего” действия – органам, связанным с “низом” (круг значений *jaghana*). Согласно 19.21 и сл. к этому способу прибегают и некоторые женщины (которым подражают евнухи – 19.1 и сл.); при этом в *K* 19.22; 35 и сл. подобная практика порицается как недостойная, низкая, не рекомендуемая наставниками (ср.: [*KG*, р. 165, 169 и сл.; *SE*, р. 119: *asabhya* – *vulgar, low*; примеч. к 19.22] – см.: [*K*₁, с. 77–78, 154; *K*₂, с. 71, 72, 152]). Одновременно Ватсьяна проявляет определенную терпимость: женщин, хоть и “по природе

⁷ Ср. характерное толкование этого слова у Даля как “искательства”, вообще не употребляющегося во множественном числе [Даль, 1994, с. 1155].

⁸ О многообразной роли “этического пространства” (в его противопоставлениях “верха–низа”, “чистоты–нечистоты” и т.д.) в религиозной догматике, мифе и ритуале, типах религиозного поведения (как, впрочем, и светского) см., например: [Сыркин, 1993, с. 9 и сл., 55 и сл., 59 и сл.].

они нечисты помыслами”, не следует “оставлять, потому что, согласно преданию, они должны считаться чистыми” (19.29); далее среди “свободных от скверны” живых существ при определенных их действиях назван “женский рот при любовном соединении” (снова связь с “верхом” — см. 19.30; при этом в “Законах Ману” V.130 подобное уточнение отсутствует: “Всегда чисты уста женщины” [*Законы Ману*, 1960, с. 113]; ср. также: (Visnu-smṛti, XXIII, 49)). Можно добавить, что половое общение обозначалось в ведантийской традиции как *adha-upāsana* — ср.: [SE, p. 20]⁹.

Впрочем, *jaghana* передано мной как “нижняя часть” и выше, где речь идет об определенных движениях таза (18.26–27; ср. К₁, с. 76; К₂, с. 69), что в данном месте представляется более оправданным по смыслу.

Ряд интересных соображений высказан в связи с обозначениями разных категорий продажных женщин (ЗПК, с. 179–181; ср. 58.54; К₁, с. 131, 168–169; К₂, с. 131, 165). Здесь в большинстве случаев названия также оставлены без перевода и даны в транслитерации. Безотносительно к случаям, когда этимология слова достаточно прозрачна, нахождение удовлетворительного эквивалента в языке перевода зачастую оказывается весьма трудным, и, как уже говорилось, предпочтительней предоставить объяснение комментарию, по возможности не перенося его в текст перевода. Подобный прием широко практикуется (ср. переводы “Законов Ману” С.Д. Эльмановича и Г.Ф. Ильина, “Артхашастры” В.И. Кальянова, А.А. Вигасина и т.д.), хотя и по возможности избегается в популярных изданиях. Кстати, указатель имен, оставленных без перевода, содержится в К₁ (с. 186–188); он отсутствует в К₂ и воспроизведен в К₃ (с. 370–373).

Исключение здесь — передача *veṣū* (“та, к которой входят”) как “гетера” — словом, пришедшим из иной культуры, хотя и в известной мере усвоенным русской литературной традицией. Оно, впрочем, специально оговорено в комментарии к 1.10 (К, с. 141; К₂, с. 139).

А.О. Захаров (ЗПК, с. 181–185) подробно разбирает рассуждения К 7.1–7 о четырех видах чувственной любви (*prṛti* — ср. К₁, с. 63–64 и примеч. на с. 148–149; К₂, с. 55, 146), критикуя непоследовательности предыдущих переводчиков. Предложенное им толкование (ЗПК, с. 184–185): “От привычки, от эротического возбуждения, от переноса и от предметов чувств...”, несмотря на отдельные отличия, представляется не столь далеким по смыслу от нашего (“От привычки, от воображения, а также от веры и от чувственных восприятий...” (К, 7.1)). При этом ЗПК (с. 182) отмечает досадный недосмотр: при переводе 7.2 мной пропущено *bahirbhūtā* (любовь, “оказавшаяся вовне”, “угасшая”; дополнительное толкование автора: “беззаботная” представляется не столь удачным). Пропуск весьма огорчительный, хоть и, как кажется, не искажающий основной смысл данного параграфа. Могу объяснить это, пожалуй, лишь характерным свойством нашего внимания — периодическим снижением его уровня в ходе работы, причем какой-то доле допущенных погрешностей, к сожалению, бывает суждено уцелеть.

При осмыслении второй разновидности любви в толковании *abhimānikī* (7.3) я предпочел более непосредственное значение (ср.: [SE, p. 67], в частности об *abhimānin* — *imagining*) производному, хоть и понятному по смыслу “эротическому возбуждению” (ср. там же: *abhimānita* — copulation, sexual intercourse; оба варианта отразились у В. Донигер и С. Какара). В данном случае казалось важным подчеркнуть опосредствованный характер любви, связанный с фактором непривычности и соответствующей предварительной установкой. Не столь удачно здесь частичное семантическое пересечение “воображения”

⁹Т.е. буквально: “нижнее почитание”, “почитание низа” и т.п. В “Брихадараньяка-упанишаде” VI. 4.2 творец мира Праджапати, создав женщину, “соединился с ней. Поэтому следует соединяться с женщиной” (*tāmsṛstvādha upāsta; tasmāt striyam adha upāsita*) (см.: *Упанишады*, 2003, с. [153]; ср. там же соответствующий комментарий: с. [222]). Последующее (VI. 4.3) отождествление отдельных частей женских гениталий с элементами жертвоприношения провозглашается должным знанием — осознавать подобные соответствия во время соития означает умножать свои добрые дела за счет женщин; не осознавать — отдавать им свои добрые дела (своеобразное отражение амбивалентной установки в духе учения упанишад).

с третьим видом — “верой” (*saṃpratyayātmikā* — 7.5; ср.: [SE, p. 1174 — “firm conviction... or faith or belief”]; Кочергина, 1996, с. 705] — “уверенность”). Возможно, что лучше было бы определить третий вид как “убежденность [в близости с другим партнером]”. Так или иначе толкование ЗПК (с. 185) — “от переноса” — примечательным образом ассоциирующееся с современным словоупотреблением психологов хорошо подходит по смыслу.

* * *

В целом критические замечания ЗПК представляются вполне обоснованными. Обсуждаемый перевод действительно звучит в ряде мест не очень удачно, хотя, по приведенным выше соображениям, я все же не стал бы называть подобные случаи искажением оригинала. Разумеется, определенную роль сыграли и многочисленные табу, и цензурные ограничения той поры, но дело не только в них. А.О. Захаров проявляет полное понимание тогдашних обстоятельств (ЗПК, с. 173, 175 и др.) и резонно замечает (с. 179), что сложившаяся к 1993 г. ситуация уже вполне допускала использование более точных эквивалентов. Здесь хотелось бы обратить внимание на другую сторону вопроса. Уже приходилось говорить, что в 1960-х гг. я взялся за перевод К, побуждаемый интересом к самому характеру памятника, к решению связанных с этим специфичных переводческих задач и отнюдь не питая особых надежд на публикацию подобного опыта при существовавших издательских возможностях. В этом смысле я в достаточной мере ощущал себя внутренне свободным (хотя бы — от ряда практических соображений), но по неизбежности не мог не находиться в сфере тогдашнего языкового узуса своей среды (нет нужды объяснять, что в соответствующем социальном круге и обсуждаемой области понятий узус этот был отличен от сегодняшнего). Недостаток привычных, устойчивых, а главное — стилистически приемлемых русских эквивалентов, без сомнения, играл роль в выборе (отнюдь не всегда удачном) предпочтительных вариантов, и суждения ЗПК лишь естественны.

Что же до обстоятельств 1993 г. (не помню, кстати, чтобы издательство оказывало на меня давление), то, во-первых, несмотря на происшедшие перемены и коренной перелом (едва ли не революцию) в издательской практике, некоторые особенности близкого мне узуса отнюдь еще не исчезли, и о них продолжают говорить до сих пор¹⁰. По всей видимости, это способствовало определенной моей инерции — впрочем, справедливо или нет, но необходимости исправлять свои толкования я не видел, а для тех или иных оговорок и объяснений опять же существовал комментарий. В последнем действительно широко использовалась латинская лексика, но не по одним лишь цензурным соображениям. Разумеется, я отдавал себе отчет в том, насколько деградировало в течение XX в. классическое образование — и не только в России. Нечего и сравнивать знание латыни в Германии второй половины XIX в. (в немецком переводе К, опубликованном в 1897 г. и неоднократно переиздававшемся, Р. Шмидт просто переложил на латынь целый ряд параграфов) и России второй половины XX в. Вместе с тем мною живо ощущалась западная и российская культурная традиция, прочно удерживавшаяся в медицинской и юридической терминологии; несомненную роль играло и полученное мною классическое образование, позволявшее ощущать соответствующую лексику достаточно близкой. Разумеется, с точки зрения широкого читателя, такая позиция была скорее эгоцентричной — я, впрочем, как бы ни оценивать результаты, ни на каком этапе работы не ставил себе целью подготовку популярного издания и, как уже говорил (см. примеч. 3), приравнивался к требованиям соответствующих академических серий, в частности “Памятников письменности Востока”, в которых уже начал публиковаться. Круг возможных адресатов

¹⁰ Нынешнее положение дел в этой области (хотя, возможно, и не столь жесткое, как в былые времена) характеризует пример, приведенный лингвистом М.А. Кронгаузом: “Ситуация странная, почти парадоксальная (если забыть на время о табуированности и прочих запретах): для одного из самых важных действий в жизни человека в нашем литературном языке фактически нет нормального (то есть стилистически нейтрального и при этом не профессионального) обозначения. И, наоборот, существует множество жаргонных и сленговых слов...” [Кронгауз, 2017, с. 325 (первое издание вышло в 2007 г.)].

(в определенном смысле — степень “научности”) в этой серии варьируется: критическое издание текста — то же вместе с комментированным переводом — один лишь перевод с сопроводительным аппаратом. Мои публикации принадлежали к последнему типу, к нему же относятся и издания в серии “Литературные памятники”, также достаточно разнородной, но в целом относительно более популярной (в ней были опубликованы “Панчатантра” и византийский эпос “Дигенис Акрит”).

Весьма полезен скрупулезный критический разбор А.О. Захаровым английских переводов, подчас выполненных известными индологами¹¹. Неудовлетворенность автора рядом соответствующих вариантов вполне объяснима. Обстоятельства, изложенные выше (см. примеч. 1) в связи с взаимодействием двух семантических полей (языки оригинала и перевода), когда усиленное вживание в язык иной, далекой культуры заведомо несовершенено и принципиально ограничено, лишь усложняются с практическим введением третьего языка, опять же не являющегося родным для исследователя. Ведь каждый перевод — это, по существу, разнovidность комментария, как бы последовательно переносящего комментируемый текст (оригинал) в иное семантическое поле¹². В последнем случае создается своего рода комментарий “второго порядка”, “комментарий на комментарий”. Разумеется, ситуация эта в каждом конкретном случае модифицируется степенью владения языками (ср. случаи билингвизма, тех или иных биографических обстоятельств, особой одаренности и т.п.), но в целом принцип смены семантических полей (подчас более чем однократной) и сам фактор различий между родным и неродным языками сохраняют всю свою значимость. Для меня, например (полагаю, что выражаю практически общее мнение), подобные различия — своего рода пропасть.

Вполне возможно, что если бы речь в данном случае шла не о “научном”, а о “художественном” тексте, то некоторые критические замечания отпали бы из-за присущего последнему свойства — возможности принципиально неоднозначного его толкования (ср. выше, примеч. 6). Можно было бы предположить, что переложению такого текста суждена более короткая жизнь (в смысле потребности заменить его новым переводом), переводу же текста “научного” — более долгая при возможных последующих поправках и дополнительных пояснениях. Такова, к примеру, судьба уже упоминавшихся “Законов Ману” — перевод их (С.Д. Эльмановичем, 1913 — здесь и далее сходные обозначения указывают на дату первой публикации) был опубликован более ста лет назад и остался основой для последующих изданий¹³. Специфичное содержание текста К, видимо, способно противоречить этому соображению; притом не вполне предсказуемой реакции может способствовать и сам стиль перевода — мне уже приходилось ссылаться (ср. К₁, с. 43; К₂, с. 34) на характерные впечатления отдельных (непрофессиональных) читателей, разочарованных и в каком-то смысле шокированных именно педантичностью в изложении столь животрепещущей темы. Так что по тем или иным причинам потребность в появлении новых переложений этого памятника представляется сравнительно высокой (разумеется, я не имею в виду практику, упомянутую выше, — примеч. 2).

¹¹ Достаточно суровой критике подвергается, в частности, перевод А. Даниелу (ЗПК, с. 174 и сл., 182 и сл.) [*The complete Kāma Sūtra...*, 1994]. Замечу, что двумя годами раньше был опубликован его же французский перевод: [*Vātsyāyana. Kāma Sūtra...*, 1992] (в таком же порядке — сначала на родном французском языке, а впоследствии на английском — публиковались и некоторые другие его работы). Между тем в январе 1994 г. в весьма преклонном возрасте А. Даниелу скончался в Швейцарии, и трудно сказать, насколько активно он успел участвовать в подготовке английской (наверняка, более поздней) версии. Краткое выборочное сопоставление изданий 1992 и 1994 гг. (ставших мне доступными несколько позже), насколько я способен судить, отнюдь не дало оснований для заключения об их точном соответствии, и в данном случае критику одной версии было бы желательно корректировать с привлечением другой.

¹² Проблематика эта в свое время обсуждалась мною с А.М. Пятигорским, принявшим приведенные здесь соображения (ср.: [Пятигорский, 1967, с. 165 и сл.]).

¹³ Выйдя за пределы индологии, хочется упомянуть превосходный перевод Канта Н.О. Лосским (“Критика чистого разума”, 1907), по которому когда-то в юности знакомился с Кантом мой отец и который опять же переиздается по сей день.

Можно заметить также, вкратце останавливаясь на судьбе художественных переводов, что при всех языковых изменениях, “старении” лексики, смене стилистических предпочтений и т.д., не говоря уже об упомянутой неоднозначности толкований, многочисленные хорошо известные примеры отнюдь не всегда удовлетворяют потребность в замене. Во всяком случае, действительной замены не происходит. Слишком важен здесь, по-видимому, личный творческий фактор — словесный дар переводчика, зачастую известного своим самостоятельным творчеством¹⁴.

Рассуждая о совершенствовании того или иного типа переводов, можно заключить, что с известными модификациями здесь действуют более общие культурологические закономерности, определяющие, в частности, правомочность наших представлений о “прогрессе”, — допустимых в научно-технической сфере (и то условно — это, впрочем, особая проблема) и достаточно иллюзорных в области социальных отношений, гуманитарных дисциплин, художественного творчества. И если понятие это вообще применимо к последним, то лишь в неразрывной своей связи с “регрессом” и притом — в самых жестких рамках конкретного периода, художественного стиля, индивидуального творческого пути.

Что же до К, то, как уже было сказано, вполне естественно, по примеру западной практики (особенно, английской) ожидать следующего русского переложения с санскрита. А предыдущему переводчику — повторить старый латинский стих:

Сделал я так, как сумел, — кто сумеет, пусть сделает лучше.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бор Н. *Атомная физика и человеческое познание*. М., 1961 [Bohr, Niels, *Atomic Physics and Human Knowledge*, Russian edition: Moscow, 1961].

Ватсьяна Малланага. *Камасутра* / Пер. с санскрита, вступ. ст. и коммент. А.Я. Сыркина. М.: Наука, 1993. 190 с. (сер. Памятники письменности Востока, с. XI) (K₁) [Vatsyayana Mallanaga. *Kamasutra* / translated from Sanskrit into Russian by Alexander J. Syrkina. Moscow: Vostochnaia literatura; Nauka, 1993, 190 pp. (Series “Pamiatniki pis'mennosti Vostoka”, с. XI)].

Ватсьяна Малланага. *Камасутра* / Пер. с санскрита, вступ. ст. и коммент. А.Я. Сыркина. М.: Наука, 1993. 181 с. ил. (K₂) [Vatsyayana Mallanaga. *Kamasutra* / translated from Sanskrit into Russian by Alexander J. Syrkina. Moscow: Vostochnaia literatura; Nauka, 1993].

¹⁴Останавливаясь на некоторых (по необходимости субъективных) оценках, хотелось бы вспомнить ранние свои впечатления (как бы открывавшие новые пространства родного языка) от восточных переводов, о которых, к сожалению, не могу профессионально судить, — с китайского В.М. Алексеева (Пу Сун-лин. “Странные истории”, 1922 и сл.), с арабского М.А. Салье (“Книга тысячи и одной ночи”, 1929 и сл.). Среди памятных переложений — кажется, чемпион по долготельству “Илиада” Н.И. Гнедича (1829), несмотря на явную архаичность языка (без указателя устаревших слов она уже давно не переиздается), пережившая попытки Н.М. Минского (1896) и В.В. Вересаева (1949). Сходна судьба и несколько более поздней “Одиссеи” В.А. Жуковского (1849). Среди превосходных прозаических переводов XIX в., безупречно звучащих и поныне, — “Этруская ваза” Проспера Мериме (Д.В. Григорович, 1883), его же “Коломба” (В.М. Гаршин, 1883) (две последние переиздавались с исправлением единичных неточностей и архаизмов), сказки Андерсена (А.В. и П.Г. Ганзен, 1894 и сл.), “Декамерон” (А.Н. Веселовский, 1896). Что касается отдельных попыток с очевидным намерением превзойти предшественника, то они отнюдь не всегда достигают цели. Таковы, на мой взгляд, — при всем уважении к переводческому дару и многочисленным достижениям — некоторые опыты Н.М. Любимова. Присущие его стилю “разговорность” и склонность к просторечиям оказались, как мне кажется, более органичными в “Легенде об Уленшпигеле” (1961), в “Гаргантюа и Пантагрюэле” (1961). В то же время его Мериме (“Хроника царствования Карла IX”, 1963) скорее уступает переводу М.А. Кузмина (“Хроника времен Карла IX”, 1927), его “Декамерон” (1970) — уже упомянутому блистательному переводу А.Н. Веселовского (ср.: [Соболева, 2015, с. 189 и сл.]), его Пруст (“В поисках утраченного времени”, 1973 и сл.) — мастерски тонкому переложению А.А. Франковского, в частности, первой книге эпопеи — “В сторону Свана” (1927 и сл.). Суждения эти, повторяю, субъективны; они касаются скорее стиля, звучания, общего впечатления. Следует учесть и биографический фактор — по некоторой аналогии с первыми запечатлевшимися музыкальными переживаниями юных лет, когда та или иная манера исполнения способна стать критерием вкуса и последующих оценок.

Ватсьяана Малланага. *Камасутра* / Пер. с санскрита, вступ. ст. и коммент. А.Я. Сыркина. СПб.: Нева – М.: ОЛМА-Пресс, 2000. 383 с. (К₃) [Vatsyayana Mallanaga. *Kamasutra* / translated from Sanskrit into Russian by Alexander J. Syrkin. St. Petersburg: Neva; Moscow: OLMA-Press, 2000, 383 pp. (Russian, with English summary)].

Даль В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка в четырех томах*. Т. 1. М., 1994 [Dahl, Vladimir Ivanovich. *Tolkovy slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka*. Т. 1 = *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*, T.I. Moscow, 1994].

Джагаддева. *Волшебное сокровище сновидений* / Пер. с санскрита, статьи и коммент. А.Я. Сыркина (сер. Ex Oriente Lux). М.: Ладомир, 1996 [Jagaddeva. *Volshebnoe sokrovishche snovidenii*: Russian translation by Alexander J. Syrkin, Moscow: Ladomir, 1996].

Законы Ману / пер. С.Д. Эльмановича, пров. и испр. Г.Ф. Ильиным. М.: Наука–Ладомир, 1992 [1960], 360 с. = *Zakony Manu* (The Laws of Manu, or *Manusmṛiti*) / transl. into Russian by S.D. El'manovich, ed. by Grigorii F. Ilyin. Moscow: Nauka; Ladomir, 1992 [1960], 360 pp.

Захаров А.О. О русском переводе “Камасутры” // *Восток (Oriens)*. 2016. № 5. С. 172–186 [Zakharov, Anton O., “Few notes on the Russian translation of “Kāmasūtra”, in: *Vostok (Oriens)*, 2016, № 5, pp. 172–186].

Индийская жена. Исследования, эссе. М.: Восточная литература РАН, 1996 [Indiiskaia zhena. Issledovaniia, esse = Indian Wife: Studies and Essays. Moscow: Vostochnaia literatura, 1996].

Кочергина В.А. *Санскритско-русский словарь*. Изд. 3-е, исправл. и дополн. М.: Филология, 1996 [Kochergina, Vera A. *Sanskritsko-russkii slovar'* (Sanskrit-Russian Dictionary). Moscow: Filologiya, 1996].

Кронгауз М. *Русский язык на грани нервного срыва*. Изд. 4-е, исправл. и дополн. М., 2017 [Krongauz, Maksim, *Russkii yazyk na grani nervnogo sryva*. 4th ed., Moscow, 2017].

Панчатантра / Пер. с санскрита и примеч. А.Я. Сыркина. М.: Академии наук СССР, 1958. 376 с. (сер. Литературные памятники) [Pañcatantra / transl. from Sanskrit into Russian by Alexander J. Syrkin. Moscow: Academy of Sciences of the USSR. 1958, 376 pp. (Series “Literaturnye pamiatniki”)].

Пятигорский А.М. Некоторые замечания об изучении индийских философских текстов и комментариев (опыт психологического исследования) // *Семиотика и восточные языки*. М.: Наука, 1967 [Piatigorky, Alexander M. “Few Notes on the Study of Indian Philosophic Texts and Commentaries (an essay of psychological investigation)”, in *Semiotika i vostochnye iazyki*, Moscow: Nauka, 1967 (in Russian)].

Соболева И.В. Произведения Дж. Бокаччо в русских пересказах и переводах XVIII–XX вв. // *Дж. Бокаччо в отечественной и мировой культуре*. СПб., 2015 [Soboleva, I.V. “Boccaccio’s Works in Russian Renderings and Translations of the eighteenth – twentieth centuries”, in: *Giovanni Boccaccio v otechestvennoi i mirovoi kul'ture*. Saint Petersburg, 2015 (in Russian)].

Сыркин А. *Снуститься, чтобы вознестись*. Иерусалим: Иерусалимский университет, 1993 [Syrkin, Alexander J. *Spustit'sia, chtoby voznestis'*. Jerusalem: Jerusalem University, 1993 (in Russian)].

Сыркин А.Я. К систематизации некоторых понятий в санскрите // *Семиотика и восточные языки*. М.: Наука; ГРВЛ, 1967 [Syrkin, Alexander J. “On systematization of several concepts in Sanskrit”, in: *Semiotika i vostochnye iazyki*. Moscow: Nauka, GRVL, 1967].

Сыркин А.Я. Об отдельных чертах научного и художественного текстов // *Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по знаковым системам*. Вып. II. Тарту, 1965 [Syrkin, Alexander J. “About some features of scientific and artistic texts” // *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Trudy po znakovym sistemam*. Issue 2. Tartu, 1965].

Упанишады / Пер. с санскрита, исслед., коммент. и прилож. А.Я. Сыркина. Изд. 3-е, исправл. М.: Восточная литература, 2003 [Upanishads: Russian Translation by Alexander J. Syrkin, 3rd improved edition. Moscow: Vostochnaia literatura, 2003].

Bohr N. Physical science and the study of religions // *Studia Orientalia Ioanni Pedersen*. 1953. Hauniae. Pp. 385–390.

The complete Kāma Sūtra. The first unabridged modern translation of the classic Indian text by Vātsyāyana / Transl. by A. Daniélou. Rochester–Vermont, 1994.

Kamasutra by Sri Vatsyayana Muni With a Commentary of Jayamangala / Ed. by Sri Damodar Lal Goswami. Benares. 1912 (Kashi-sanskrit-series, 29).

A Sanskrit – English Dictionary by Sir Monier Monier-Williams. Oxford, 1956.

Syrkin A. Ja. On certain traits of scientific and artistic texts // *Semiotica*. Vol. 14. № 1. 1975. Pp. 35–39.

Vātsyāyana. *Kāma Sūtra. Le bréviaire de l'amour* / Trad. par A. Daniélou. Ed. du Rocher, 1992.